

ЖИТИЕ СВ. ГОДЕЛИВЫ

Дрогон Бергский (XI в.)

Пер. с лат. по Analecta Bollandiana 44 (1926): 103-37

В переводе Константина Чарухина

Начинается пролог Дрогона к житию святой Годеливы

Владыке Радбоду, милостию Божией епископу общины Нуайонской, Дрогон, монах и недостойный священник, – [с пожеланием] блага, что превосходит всякое благо.

Слава твоего доброго имени и твоего благородства, блаженнейший Отче, повсеместно почитается весьма достопамятною, ведь ты, преуспевая в знании наук, и о нуждах да пользе ближних заботишься, как Марфа, и притом словам Господа внимаешь, восседая у ног [Его], как Мария. Когда таковые качества благополучно сходятся в одном [человеке], ревнители премудрости благоговеют перед ними, поскольку, видя в себе отсутствие сих даров благодати Божией, радуются их присутствию в брате, одарённом благим Создателем. И причём неспроста. Ведь господствует в них несравненное семя любви, которое того, чего хочет для себя, без сомнения желает и ближнему. Воистину, о предстоятель несравненный, часто слыша отзвонки и похвалы многих, я понимаю, что ты имеешь в сем превосходство, а потому, заведомо уверен в душе, что достойно будет, если ты, наделённый всяческими добродетелями, будешь советчиком мне в рассуждениях моих и претыкающимся ногам моим окажешь нежную помощь.

Ибо по слишком частым настояниям многих верных я принуждён взяться (что выше моих сил) за описание мученичества святой Годеливы: сначала, от каких родителей она произошла; потом, за какого, достигши брачного возраста, мужа была выдана; потом, посредством каких козней, и кем, и как она была умучена. Итак, поскольку [события] сии, свершившись в действительности, стоят рассказа и достойны памятования, я последовательно записал их на пергаменте (in scedis) и послал тебе, вселюбезный отче, чтобы ты властью своей, если, впрочем, сочтёшь подобающим, [сии записи] узаконил и утвердил, а для всякого, кому бы ни были посланы они, имели силу архиерейского указа. Однако же, досточтимый отче, прежде чем [записи] мои прочитают многие, сначала сам их тщательно вычитай, [установив] каковы они. Отсеки лишнее, недостаточную ясность восполни красноречием, чтобы содействием твоим [записи], того требующие, прояснились и больше давали вразумления.

Ну а о событиях, описанных нами, мы слышали от тех, что, и ныне будучи живы, свидетельствуют о виденном. И никто да не упрекает меня в том, ведь священноначалие (sancta auctoritas), пока я молчал, многих призывало сделать то же. Впрочем, если кто и упрекнет меня в этом, оставлю то твоему суду и суду мудрых, а сам по мере сил приступлю к своему повествованию. Бывай здрав.

Заканчивается пролог

Начинается её житие и мученичество, коего [память празднуется] 30 июня (ныне 6 июля. – прим. пер.)

1. Радущие Всемогущего по милости своей оба пола призывает, и то одному попускает войти в Царство Своё чрез тягости различных страданий (ср. Деян. 14:22), то другого за терпение триумфально увенчивает, то иному за мужество при умиротворении Церкви и за великую любовь к Богу да ближнему воздаёт наградой сообразно деяниям. И хотя увенчаны будут все: одни розами, а другие белыми лилиями, - и всех ждёт вечное и высшее благо, и обладать они им будут сообща,

однако вследствие разности подвига одним по благодати Божией уготовано мученичество, а другим – совершенный мир. Ибо и мучеников ожидает пальма, и исповедников – слава в небесах вечных, но сколькая и каковая, того изречь невозможно, и сердце, дух, ум человеческий не в силах помыслить. Ведь когда непобедимая и неколебимая душа верного осаждаётся ухищрениями лукавого врага, тем вышею славой венчается она, чем более стойкой оказывается в поруганиях да поношениях, там и тут прикрываясь щитом смирения, со всех сторон ограждаясь непробиваемой бронёю терпения. И любые иные добродетели в сопряжении с сими смиренную душу, обилующую ими, возвышают и средь небожителей поселяет. А когда она стяжает славу небесную, прах и кости на земле повсюду удостаиваются знаменами.

Однако теперь довольно об этом. Отселе же начинается повествование, описующее ход жития, место и время мученичества святой Годеливы.

Итак, родилась она в краю Булонском, в самом городе под названием Булонь (совр. Булонь-сюр-Мер. – прим. пер.), чадом благородных родителей – отца Гейнфрида и матери Одгивы. Ещё в годы раннего детства она под воздействием воспитания стала чтить Бога и, слушаясь родителей, всякому угнетённому сострадать да блюсти сообразную малым годкам своим опрятность и, насколько возможно, праведность. И вот, когда она в таковых занятиях достигла юности и стала по совершеннолетию уже на выданье, многие просили руки её, потому что отличалась она благопристойностью нрава, а кроме того, кротким и смиренным поведением, мягкостью и обходительностью в благоразумной беседе. Среди прочих же, кто сватался к столь [знатной] и настолько [добродетельной] девице, был некто по имени Бертольф, вельможа высокого происхождения и [большого] богатства, чьё состояние пришлось обоим родителям более по душе, чем [состояния] других женихов; с ним-то девушку свадебным обрядом и обручили. Но в тот же самый день, как привёл невесту домой, он, кознями врага повредившись умом, возымел ненависть к ней и то раскаивался иногда, то порой винил себя за содеянное.

Ведь не только худые сообщества развращают добрые нравы, по изречению апостольскому (1 Кор. 15:33), но и дурные нравы делают душу злого ещё хуже, когда его мучают обиды от упрёков. Ибо и слова собственной матери побуждали его к ненависти, хотя добронравной родительнице подобало бы сорадоваться женитьбе сына.

3. Право же, не зря считается отчасти верным мудрое изречение некоего мирянина, что «свекрови полагается питать к невестке ненависть» (Теренций. Свекровь, акт II, сцена 1. – пер. А. В. Артюшкова). Ведь их терзает тот порок, что они вроде бы и хотят, чтобы сыновья женились, а после свадьбы ненавидят и их жён, и их самих. Ибо, метафорически изъясняясь, она молвила так: «Неужто в нашем отечестве, дорогой сын, не нашлось ворон (намёк на внешность святой, о чём см. ниже. – прим. пер.), что ты изволил с чужбины какую-то домой доставить? Что ты натворил? Как тебе это в голову взбрело? И разве по справедливости не должен был ты в сем деле прибегнуть к совету своей матери и других, кто мог бы тебе посоветовать, как ты пользовался наставлениями отца? И к чему привело тебя твоё своеволие?! Верно говорю, когда обнаружишь, что дело сделано, уже не сможешь ничего исправить, хотя заметишь, что ошибся».

Итак, измученный сими и другими речами родительницы, он был отягчаем печалью, и с каждым днём умножалась из-за неё болезнь его душевная – даже до чрезвычайности. Ибо он сетовал то наедине с собою, то в беседе с друзьями. «Я до глубины души озлобил мать, — молвил он, — своею женитьбой, да и сам пропал, если не предприиму ничего получше».

Невеста же его была черноброва, черноволоса, но белокожа, что мило и весьма идёт женщинам, и зачастую ценится. Притом обликом превосходным и восхищала взор, и в равной мере возвеселяла, ибо, когда ты был счастлив, то видел, что она тебе сорадуется, а когда печалился, она казалась более чем сострадательною.

4. И вот, оный Бертольф не пожелал явиться на свою свадьбу а, занятый якобы иными, более важными для него делами, то ездил на торжище, то навещал друзей, живших в других местах. Причём поступал он так, лишь бы отсутствовать и не встречаться с ненавидимой. Мать его справила свадьбу как бы через силу; присутствуя там вместо жениха, она согнала с лица печаль и утаила носимый в душе яд. Целых три дня отсутствовал сын её, пока мать и ненавистная [невеста] справляли брачные торжества. И возвратился он после третьего дня. Покинув собственный дом с супругой и домочадцами, он отправился жить в отцовы хоромы.

А невеста новобрачная, достойная не сего, но куда лучшего жениха, сидела дома, управляла хозяйством, душу утешая то прялкой и веретенком, то станком ткацким. Провождая одинокие ночи, она не без слёз изливала молитвы, прося Бога вразумить её жениха.

Когда ж её муж увидел это, он стал совещаться с обоими родителями, как действовать, чтобы навредить ей, сиречь жизнь ей изуродовать и укоротить. Ведь теперь и сам отец сочувствовал сыну, насколько это можно назвать сочувствием, и вместе с чадом своим ненавидел её.

К ней был приставлен слуга, что служил ей дурно, да при этом один хлеб в день подавал ей в назначенный час и ничего другого. Но женщина Божия благодарила Бога за даруемый ей хлеб, принимала его, половину уделяя нищим, а половину оставляя на пропитание своего тела. Притом, в увенчание её [унижений] она видела, что слуги её изобилуют богатством, вкушая и мясо, и многие яства. А она вкушала лишь хлеб с солью и водой единожды в день. Ибо муж её указал слуге сему, ухаживавшему за нею, чтобы ничего другого она не получала, и если он что сделает иное помимо вelenого, претерпит кару.

5. Однако враг всё не унимается, замышляет худшие искушения, готовит ещё более жуткие истязания рабе Божией, чем придаёт ей славы пред Богом Всемогущим и людьми. «Слишком, слишком много, — молвит он, — уделяю я супруге своей! Всё, что чрезмерно, то мне в ущерб. Убавьте-ка ей от целого хлеба половину – пускай то пойдёт на общие нужды, а ей выдавайте лишь другую часть. Так отниму я у неё цветущий румянец, изгоню мысли, чтобы не умствовала больше ни о Боге, ни о самой себе». Вот что удумал жених, сказал и точно по сказанному исполнять указал. Ей стали давать полхлеба.

А она даваемое приняла, и Господу за таковую малость благодарение воздала. И молилась она такой молитвой: «Прошу Тебя, Боже, Творец всего сущего, будь

помощником в немощи моей; воззри, сколько и каких несчастий я теплою! Хотя, милостивый мой Господи, уменьшен мужем размер моей доли, но во мне самой любовь к добродетели не уменьшится. И даже от сего нищий получит половину, паче того – Ты в нищем примешь». Так молвила она и ломоть половинки хлеба отдавала нищему.

О благоволение любвеобильное, о долготерпение неизменное, в женщине пребывающее! Ты всегда неизменно пребываешь в невзгодах. Тебя злословит супруг твой, ты его благословляешь. Он ненавидит тебя, ты его мольбами и убеждением примиряешь с Богом – если бы только Благой мог примириться с нечестивым! Он даже смерти тебе желает и угрожает тебе, а ты всегда молишь Бога, чтобы он жил.

Итак, верная Богу женщина соблюдала то, что однажды обетовала Ему: отдавала половину своей доли хлеба бедным. Хотя прожить на столь скудном пайке ей было весьма трудно, она не желала нарушать данное некогда Богу обещание. В сих обстоятельствах соседки её и близкие родственницы прониклись к ней сочувствием: они приносили хлеб, мясо, рыбу и всё, что даётся в пищу человеку, за счёт чего и она сама жила, и расходовала на нужды тех, кто в услужение ей стирал бельё. Не следует также обойти молчанием то, что все бывшие рядом с нею или поодаль сочувствовали ей – даже те, кто знал её только по имени. Ибо ведь Бог дарует каждому верному Своему, чтобы благая часть смертных любила его, почитала, чтобы свет со светом так сходил и сочетался. Ведь вышло бы подобие чудовища, если бы две противоположности сошлись воедино.

6. Но и Бертольда поддерживали его сторонники, которые, облепив его, затевали скверный заговор, подстрекали против невинной того, кто и сам по себе был достаточно лют, горд и готов на любое преступление. Понуждаемая таковыми обидами от мужа да от многих и старших членов семейства его, бежала она от своего мужа ни с чем, босиком даже, и, покинув края его, с одним лишь спутником возвратилась в родную землю – к отцу. Там её расспросили о несправедливостях, чинимых мужем, да об обидах от двора его (ведь и она из любви к хозяину умышляла против неё и осыпала кроткую проклятиями). Тогда, наконец, отец, несчастью своего чада сочувствуя, предоставил ей у себя место пожить некоторое время, пока вместе с более духовными советчиками не продумает наилучший способ, как лучше всего поступить в её случае, чтобы сохранить свою честь и чаду своему обеспечить благополучие. Наконец, найдя наилучшее, как ему казалось, решение, он отправился к маркграфу Балдуину, изложил по порядку примеры обид, нанесённых ему и его дочери, и признался, что [этим муж] в конце концов вынудил свою супругу бежать. Маркграф же направил его к тому епископу, в епархии которого пребывал он Бертольд, так как тот был исполнен благоразумия и готов дать совет каждому смертному во всякой необходимости. «Долг епископа, – молвил он, – руководить христианским народом и исправлять тех, кто сходит с пути святого порядка, мой же долг состоит в том, чтобы помогать ему в делах, с которыми он самостоятельно не справляется. Пускай епископ властью своей принудит первого сего [Бертольда] принять обратно свою [жену]. Если же он откажется и пренебрежёт повелением епископским, тогда я сам займусь этим и, насколько это будет от меня зависеть, добьюсь [решения вопроса] в твою пользу».

Короче говоря, с обеих сторон понуждают негодного мужа принять обратно свою [жену]. Он клянётся, что отнюдь не собирается с нею дурно обращаться, законным образом её принимает и возвращается с нею домой. А как только она оказалась в его доме одна, то молилась Всемогущему, чтобы Он изволил утешить её. И слуги её утешали тоже.

7. Кое-кто, даже некоторые из друзей вышеназванного Бертольфа, порицали его застарелую злобу и вечную ненависть к столь благочестивой женщине и хулили за то, что ни заповедь Всемогущего, ни решение епископа, ни повеление государя не смягчило его отношения к ней, причём свирепый нрав его не укрощался ни естественной брачной любовью, ни мирскою молвой.

Некоторым, изрекавшим проклятия, боголюбезная женщина возражала кроткими речами и – о раба Божия! – даже воспрещала проклинать мужа. «Невелик проступок и грех, – молвила она, — в том, чтобы говорить худое, но проклинать – то считается величайшим грехом. Ведь, как я слышала, Апостол заповедал так: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте» (Рим. 12:14). Посему каждый должен всячески удерживать уста свои от проклятий, а язык – от хулы (ср. 1 П. 3:10). Ибо мне даже просто слушать сие грех, не говоря уже о том, чтобы изрекать сами проклятия. Итак, да оросит Бог благодатью Своею и милостью его сердце, да прекратится столь жуткая ненависть ко мне, чтобы муж мой обращался со мной хоть в какой-то мере, как со своею [женой]». Когда некоторые порою оплакивали тяжесть её несчастья, сострадавая её бедам, она, исполненная божественной благодати, сама утешала себя. Являлась с лицом весёлым и улыбкою на устах, поскольку Дух, обитавший в сердце её, всегда возвеселял её. Ибо посреди невзгод она прилеплялась ко Господу и любила Его, принимая заповеди со всяческим благоговением, и поскольку она служила Ему, то и любима была Им по достоинству. Ведь имя её как раз и выражает это, ибо по-немецки означает «любезная Богу».

8. Но вот ещё что удивительно и достойно отдельного упоминания: когда некоторые сокрушались о её несчастливой доле и говорили, что она одна такая, кому не досталось да и не достанется телесных удовольствий, да даже и [простых] житейских радостей она не вкусила (ведь любители мира сего помышляли в душе о сем, потому что земные беспокоятся о земном), она, посмеиваясь над эдакими пустяками, но со скромным лицом, непобедимая в вере и надежде, на сетования сии краткой речью отзывалась и с сердечной готовностью ответствовала: «Право, я отнюдь не пекусь о телесных утехах и пренебрегаю богатствами преходящего мира. Ибо непрочно всё, что мы видим, что имеем, что, ещё не имея, хотим получить. И сам человек-то не долговечен. Ведь быстрый бег времени разрушает его, и, согласно наивысшей истине всего всякая плоть уподобляется цветку на траве, что только расцветёт, вскоре, осыпавшись, засыхает» (ср. Ис. 40:6-7; Иов. 8:12). Затем, исполнившись духа пророчества, она присовокупил к вышесказанному следующие: «Пусть никто не говорит, что я несчастлива, и не считает меня таковою, хотя в сей буре житейской колеблют меня сии беды и угнетают, как вы считаете, несчастье. Ибо я буду превознесена над всеми ныне благоденствующими женщинами целой Фландрии, и окажется, что я богата паче всех, кого помню. Сие ж да сотворит мне Тот, Кого величают Сильнейшим, Кто одаряет, кого пожелает, добродетелями

своими и Кто поднимает бедного из праха несчастья его» (ср. Лк. 1:48-53 и 1 Цар. 2:7-8).

Итак, из этих слов ясно, что её ободрял Святой Дух, а душу её возносило и укрепляло небесное утешение. Причём она заранее знала, что почитаема будет среди небожителей благодаря тому, что переносила, ведь претерпевший до конца (ср. Мф. 24:13) будет ознаменован силами творить добро. Я, слагатель сих сомнительного достоинства строк, присягаю обычною клятвой смертных, что и знавал, и видал монахов, в высшей степени искушённых в даре целомудрия, наделённых крепкой волей до предела сопротивляться тому, что противно добродетели, которых её нежное увещание назидало и укрепляло в готовности избегать душевных пороков. Ибо в ней пребывала такая благодать, дарованная ей божественной милостью, что всякий, беседовавший с нею, и сострадал, и радовался; сострадал ей в том, что она незаслуженно переносила и претерпевала, ну а радовался, наблюдая, как она попирает невзгоды, как бы возвышаясь [над ними].

9. Теперь о житии её сказано достаточно. Отселе рассказ пойдёт, как она преселилась от сей жизни к Богу.

Итак, когда все коварства и все злоумышления вышеупомянутого Бертольфа промыслом Божиим оказались тщетны, так что он не смог ни голодом, ни каким-либо иным ухищрением уморить святую женщину, он призадумался, а наедине с собой его часто терзали навязчивые помыслы. И пылая внутри от необузданных приступов гнев, порою шевеля губами, он в смятенном уме повторял такие слова: «Неужто человеку не по силам изобрести что-нибудь эдакое, дабы избавить меня от моего проклятия? Хоть и живу я, живу худо, видя, как все мои уловки одолеваемы тою, при жизни которой я чахну, при процветании коей ничто не бодрит тела моего. Голод не сломил её, долгие посты не сокрушали ей тело; наоборот, она процветает, и чем более её подавляют и угнетают невзгоды, тем яснее проявляется сила её юных лет. Но если сим способом я ничего не добился для разрешения от своего проклятия, нужно другой найти, попробовать, предпринять!» Так бесновался он от ярости, что волнение чувств могло без железа изранить, истерзать ум его, прежде чем орудие казни коснулось бы её.

Тут он зовёт двоих слуг, а именно Ламберта и Хакку; ищет совета, что можно предпринять против неё, каким из родов казни предать её смерти. Они высказывают своё мнение, предлагают полезные советы, поддерживают его. Назначают день, выбирают способ казни, от которого проще погибнуть, а по свершении – скрыть. Кроме того, даже рассчитывают, в какое время ночи или дня можно проделать это с большим удобством и скрытностью.

10. Вот и пришёл день и настало время, когда исполненная Богом женщина смогла явить, кто она есть и какова, когда обрела воздаяние славы небесной та, чьё сердце просвещала свыше божественная благодать, та, что была ознаменована мужеством наравне с терпением и смирением. А в ту ночь, когда ей предстояло быть умерщвлённою коварными преступниками, муж её пришёл к ней домой незадолго до захода солнца. Сначала он притворно целует её в уста, и обнимает, на устах изображая улыбку, а в груди неся яд. Вдруг он повёл себя с нею не так, как обычно: сел рядом с как бы с весёлым лицом и счастливым сердцем. Оба они сидели на

полукруглой скамье, и поскольку она побоялась приблизиться к мужу и некоторым образом выказала перед ним очевидно обоснованную робость, он притянул её, утешил её страх кроткими словами, а затем с таковой к рабе Божией обратился с речью: «Немало печалит меня то, что я кажусь столь свирепым душою и неумолимым сердцем по отношению к тебе, из-за чего ты ни к обществу моему не привыкла, и ни приятная беседа, ни общие утехи плоти тебя не услаждают. Но я при этом не знаю, что внесло в нашу жизнь несчастье, не знаю, что за вражда разъяла дух, сделав меня чужим тебе, как бы лишив власти над собственным сердцем. Как мне кажется, лукавый посеял сие (ср. Мф. 13;28). Ведь это он колеблет сердца смертных, то одного завистью воспламеняя, то другого – ненавистью. Однако я хочу положить конец разделению духа, чтобы относиться к тебе как к любезной супруге своей, и таким образом ненависть мало-помалу убудет, а души и тела соединятся».

О, сердце, заражённое всяческой злобой, о ядовитый мужнин язык! Ты уподобился в нечестии Иуде, предателю Господа. Он притворно целует кроткого Агнца; ты супругу свою лобзаешь и от лукавого сердца с невинной ведёшь речь. Он, движимый корыстью, Царя и Господа всего предал разъярённой толпе; ты супругу – слугам, посулив им любые деньги в вознаграждение. Поэтому, коль великое нам сравнивать с малым (ср. Вергилий. Георгики, IV, 176. – С. В. Шервинского), глубины – с вершинами, то за сообразное преступление равной тягости тебе причитается и такое же наказание.

«Я нашёл, – молвил он, – женщину, которая хвалится тем, что может скрепить нас крепкой любовью – такой, что нигде на земле двое супругов не любили друг друга сильнее. Впрочем, я поручил занимался этим делом слугам Ламберту и Хакке. Они приведут к тебе женщину; им доверено всё это. Посему-то я предупреждаю тебя об оном замысле, дабы ты не осталась в неизвестности о нём, не отвергла его и даже не беспокоилась душевно».

Когда лукавый муж окончил сию речь, она ответила: «Я раба Господня; Ему все свои [заботы] вверяю. Однако если это можно сделать без какой-либо примеси греха, я уступаю».

О блаженная и Богу верная женщина! Бога ты взыскуешь прежде всего, о Нём – попечение твоё. Страшно тебе, как бы волхованием не разъединиться с Ним. Ты желаешь такого вспомоществования браку, чтобы не утратить Господа, Соединителя брака.

Промолвив же слова, приведённые выше, она смолкла. А Бертольф, вскочив со скамьи, на которой сидел, взобрался на лошадь и отправился переночевать в Брюгге, чтобы дожидаться там вести об убиении жены, дабы сочли его невиновным в совершённом преступлении.

11. И вот, закатилось солнце, ночь опустилась (ср. Вергилий, Энеида, II, 250-54). Все тела божеством успокоены и почивают в могучей дремоте (ср. там же IX, 224-25), как вдруг являются Ламберт и Хакка и пробуждают госпожу ото сна: «Вставай, – молвивши, – госпожа! Ибо мы пришли по твоему делу и привели к тебе женщину, о которой говорил тебе наш господин. Вон, она перед дверями твоими стоит, уже давно тебя ожидая. Встань же, поторопись, чтобы не упустить удачного случая!»

Прежде всего Годелива оградила себя знамением Святого креста, а затем целиком поверилась Богу. А когда она собралась было одеться, они ей грозно воспретили: «Босая, – молвят, – с распущенными волосами, в одной лишь сорочке иди! Так оно точно для тебя будет лучше. Ведь это будет сделано с тобой скоро: едва за полночь, до предрассветных сумерек». Тогда она ответила на их возражение: «Вверяю себя Всевышнему! Я его создание, да будет со мною по усмотрению Всемилостивого. Теперь же отдаю себя вам на поруки».

И, встав, она пошла с ними. Ну а что они сделали или сказали в первый раз или второй, то были пустяки, больше для виду и отвода глаз – не стоит, пожалуй, даже упоминать об этом. А когда она в третий раз также поддаётся их обману, они затягивают на её шее петлю и, одновременно сжав ей горло руками, чтобы не было слышно криков, душат изо всех сил. Почувствовав же, что она уже бездыханна, погружают её в воду, чтобы, если в ней сохранилась хоть [искра] жизни или дыхание, эта стихия погасила бы их. И сие было сотворено по дивному устройению Божию, дабы, если было [в ней] что-либо запятнано нечистотою земного жительства, то сей стихией очистилось и убелилось.

12. Затем враги оказывают ей услужение; ибо они относят её обратно в постель, кладут, накрывают одеялом. По мере ж того, как солнце всё выше восходит в небо, слуги начинают перешёптываться, обсуждая, по какой такой причине их госпожа медлит подняться. Ведь у неё было обыкновение до рассвета либо на рассвете поспешно вставать, будить прочих и – в церковь. Поэтому они удивились, но не пожелали будить госпожу, полагая, что [в постели] её удержала или болезнь, или сон. Когда час ж наступил уже более поздний час дня, к ней в комнату вошли, попытались её разбудить, но умершая не проснулась.

Разлетается слух, сходятся соседи, тело осматривают, но ни малейшего следа от оружия на всём теле не находят. Лишь только кровавое кольцо виднелось вокруг шеи, где злодеи затянули петлю. Одни утверждали, что она умерла естественной смертью, другие же шептали что-то иное.

А как домашние любили её, можно понять из следующего. Похоронить её спешили в тот же день, а так как не хватало хлеба, чтобы раздать за упокой её души, то пошли покупать [муку], чтобы приготовить хлеба. Однако мука сия принесла выгоду покупателю своему, ибо она настолько умножилась и сама по себе, и замешанная в тесто, что превзошло всякую меру, и покупатель дивился свершившемуся знамению.

Хвала Тебе, Боже! В Твою честь она была щедра к нищим, пока была жива; Ты ту же [щедрость] явил в сем чуде свыше.

13. Более того, тот участок земли, где её умертвили, обратился в белые камни, ибо так Господь явил достоинства её и открыл верным место её умерщвления. А случилось это так.

Некие люди из благоговения перед святой взяли оттуда земли и принесли ее домой, и были изумлены, когда она затем превратилась в камень. Сам я, пишущий сие, свидетель тому, ибо, придя, увидел их и благословил за то имя Господне.

Также и другую стихию Всемогущий Бог обращает к славе Своей и чести, дабы обнаружить, что в ней была утоплена женщина столь великого достоинства. Ибо

всякие люди, страдавшие лихорадкою или другими недугами угнетённые, приходя туда и испив воды той, по заступничеству её обретали долгожданное исцеление и ликовали.

Равным образом и на гробе её Господь пречасто показывал, сколь велика она стала на небесах, ибо отметил небесными знаменьями и могилу, и даже тело её. Но расскажем немного из многого, представив свидетельства знамений, чтобы всякий мог легко убедиться, каковою славою сияет дочь Господня на небесах.

14. Отец принёс сына, расслабленного уже с первых лет рождения, ко гробу, моля о том, чтобы он удостоился исцеления по её заступничеству. И по прошествии некоторого времени расслабленный встал прямо, и оный отец благополучно отвёл его обратно домой. Мальчика ж этого звали Альгот. Поскольку он был мальчиком, то пошёл учиться грамоте, а после того, как он вошёл во взрослые лета, достиг понемногу сана диакона.

15. Некая расслабленная пролежала девять лет пред воротами монастыря св. Трудона, где ожидала, не удостоится ли наряду с другими исцеления. Многие исцелялись, и многие поднимались, но лишь она оставалась [в прежнем состоянии], дабы по промыслу Господню повсюду стала ведома святость новопреставленной. Наконец, прослышав о славе упомянутой святой Годеливы, она попросила отвести себя на место [погребения её], где молилась, ожидая милости Господней. И правда, недолго пребыв в том месте, она поднимается, исцеляется и с радостью благополучно возвращается своим ходом в родные места. И свершилось то чудесным образом, ибо её милость к нуждающимся подобна её [прежней] милости к ним, когда она, живя и здравствуя, пребывала во плоти.

16. Некий человек в день праздничный, причём в час, когда сие менее всего подобало (вероятно, во время мессы. – прим. пер.), собирал на равнине колосья, и к руке его прилила связка колосьев. Другой рукой он попытался удалить колосья, но отнюдь не преуспел. Вот зрелище было, как он пытается избавиться от колосьев, да не может; вот загляденье, как он пытается помочь себе рукой, но колосья только сильнее и сильнее налипают. Тут, осознав свою вину в содеянном, он пошёл ко гробу уже не раз упомянутой женщины и пал наземь в молитве. И ещё не окончена была молитва его, как пальцы разогнулись, колосья спали, показалась ладонь.

17. Приближался торжественный и праздничный день, когда собралось множество народу. Пресвитер, встав [на кафедре] после мессы, предписал всем соблюдать праздник и чтобы никто не делал во время него никакой работы. Женщина из той деревни, услышав предписание священника и беспечно пренебрегши им, приготовила в бочке краску и взяла палку, чтобы перемешать её. Палка немедля прилепилась к обеим рукам. Она пытается [освободиться], то вытягивая, то сгибая руки, но трудится втуне. Весть о знамени разлетается – её окружают домочадцы, стекаются соседи. Некоторые из присутствующих пытаются вырвать [палку] из рук, прочие же боятся к ним прикоснуться. Наконец, понуждаемая своим наказанием, она поспешает к могиле помощницы своей, молится на земле, прося о заступничестве святой Божией. Посреди слез и слов молитвенных внезапно и пальцы, и руки от палки отлипают – палка падает, женщина благополучно возвращается домой.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ